

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОНС

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Журнал издается под руководством Президиума РАН
выходит с 1976 г. 6 раз в год

3
2007

«НАУКА»
МОСКВА

А.В. ШЕВЧУК

О будущем труда и будущем без труда

Настоящая статья посвящена одному из аспектов масштабной социально-экономической трансформации, связанной со становлением постиндустриального общества, – изменениям в системе занятости. Они настолько радикальны, что ряд футурологов ставит вопрос не просто о "будущем труда", но и о "будущем без труда". Еще в 60-х гг. прошлого века об этом писала Х. Арендт. Сегодня наиболее заметными фигурами в развернувшихся дискуссиях являются Ч. Хэнди, У. Бек, Дж. Рифкин, А. Горц. В той или иной степени эту проблему в своем творчестве также затрагивают Р. Дарендорф, З. Бауман и др. Показательны уже сами названия опубликованных работ "Будущее труда", "Конец труда", "Прощание с рабочим классом", "Безработный капитализм" и т.п. [Handy, 1984; Rifkin, 1996; Gorz, 1982; Beck, 1996].

Изменяющемуся характеру и содержанию труда в постиндустриальном обществе посвящено немало работ отечественных ученых. Однако фундаментальный вопрос о "будущем труда" поднимается гораздо реже. При этом он не является узкоэкономическим, а носит, скорее, социофилософский характер, так как связан с коренным преобразованием всего общественного устройства. Показательно также, что в рамках экономической науки этот вопрос практически не рассматривается.

Попытаюсь восполнить существующий пробел и представить предметную область футурологических дискуссий об изменении роли труда в жизни человека и общества. При этом отмечу, что речь идет не о конечных состояниях, а о некоторых проявляющихся тенденциях и их интерпретациях. О будущем невозможно делать абсолютно точных заключений, но также и нельзя запретить человеку попытки в него заглянуть. Множество "пророческих" идей не сбывалось, вместе с тем достаточно примеров, когда они предвосхищали реальность.

Современное общество как "общество труда"

Необходимость труда как деятельности для целенаправленного создания благ, призванных удовлетворять человеческие потребности, существовала на всем протяжении истории, но отношение к этой деятельности было различным. Длительное время труд в силу неразвитости орудий требовал большого физического напряжения и для большинства населения был непосредственно связан с выживанием. Поэтому люди считали его "наказанием" или воспринимали как данность, с которой приходится мириться, стремились по возможности его избегать или же перекладывать на плечи других¹.

¹ Практически во всех европейских языках слово "труд" (*labor, travail, Arbeit*) изначально подразумевало муку в смысле телесных усилий, причиняющих боль и страдания (в том числе родовые муки).

Шевчук Андрей Вячеславович – кандидат экономических наук, доцент Государственного университета – Высшей школы экономики.

Античные общества противопоставляли себя труду: тот, кто был вынужден работать, не обладал гражданскими правами. Это касалось не только рабов, которых Аристотель и его современники рассматривали как "говорящее орудие"², но также ремесленников и торговцев, представленных в основном чужеземцами либо отпущенными на волю рабами. Таким образом, подлинная человеческая жизнь понималась прежде всего как свобода от необходимости работать, то есть ежедневно заботиться об обеспечении своего существования. Граждане античного полиса посвящали себя военному делу, общественно-политической активности, спортивным состязаниям, культурному творчеству, досугу³. Характерно также, что для мыслителей и философов древности труд как таковой не был привлекательным объектом анализа.

Отношение к труду в христианстве определяется тем, что он принадлежит сфере материального, которая изначально второстепенна по отношению к духовной жизни. Трудом человек может обеспечить себе только биологическое существование, но не может достигнуть конечной цели – спасения души. Духовное совершенствование человека дается через отвлеченное созерцание. Идеалом жизни выступает монашеская аскеза, а труд воспринимается скорее как данность мироустройства и сводится к обеспечению минимума жизненных потребностей.

Эти постулаты радикально меняет протестантизм. В ставшем классическим произведении М. Вебера показано, как труд, прежде не входивший в число приоритетных ценностей, наполняется нравственным содержанием, рассматривается как призвание и религиозный долг [Вебер, 1990]. Аскеза теперь касается только потребления продуктов труда, сам же труд должен быть неустанным и методичным.

На смену традиционному обществу постепенно приходит индустриальное общество, которое с полным правом можно назвать "обществом труда"⁴. Арендт отмечает: «Совершенно очевидно, что ни в какой другой области наше Новое время не пошло так далеко, как в революционном преобразовании труда, а именно до той точки, когда само значение слова – исконно включавшее "беду и муку", усердие и боль, даже телесное увечье, все, на что человек мог решиться только под гнетом нищеты и несчастья, – для нас утратило свой смысл» [Арендт, 2000, с. 63–64]. Из средства выживания и поддержания привычного уровня потребления, который сводился к минимальному набору благ, труд превращается в основной тип человеческой деятельности и едва ли не главную цель существования. В это время формируются важнейшие составляющие современной хозяйственной жизни: наемный труд, профессия, предприятие, рабочее время, заработная плата и т.п. Характеристика индустриального общества как "общества труда" связана со многими аспектами:

– *основная часть населения вовлекается в "армию наемного труда"*, сформировавшуюся из бывших крестьян, лишенных возможности получать средства к существованию от собственного участка земли и вынужденных предлагать за вознаграждение (заработную плату) свою способность к труду. В результате понятия труда и наемного труда в сознании людей на долгое время становятся практически тождественными;

– *труд и профессия становятся осью человеческого существования*, определяя положение в обществе, доход, образ жизни, круг общения и т.п. В этом качестве профессиональный статус отодвигает на второй план вещи некогда первостепенной значимости: религиозную и этническую принадлежность, званность рода и т.п. Труд превращается в главный фактор самоидентификации, формируется особый менталитет человека

---

² Аристотель все же уловил взаимосвязь между низкой степенью развития производительных сил и рабством. Это, в частности, видно из следующих его строк: "...если бы ткацкие челноки сами ткали, а плектры сами играли на кифаре, тогда и зодчие не нуждались бы в работниках, а господам не нужны были бы рабы" [Аристотель].

³ М. Вебер характеризовал античного горожанина как "человека политического" (*homo politicus*).

⁴ Интересно, что само латинское слово "*industria*", давшее название типу общества, означает "деятельность", "трудолюбие", "усердие". Таким образом, индустриальное общество – "трудолюбивое общество".

индустриального общества, который мыслит и определяет себя только посредством работы. С этой точки зрения детство и старость воспринимаются как периоды жизни за пределами трудовой биографии, свободное время как антипод рабочего, безработица как временное и крайне нежелательное состояние, хобби как активная деятельность вне привычной профессии и т.п.;

– *формируется особая трудовая демократия.* Общественно-политическое устройство современных обществ основывается на участии большинства населения в экономической деятельности. Это касается как возможностей реального осуществления человеком своих гражданских прав, так и финансовой базы институтов социального (трансфертного) государства с развитой системой пенсионного и социального страхования. В отличие от античности, именно фактор трудовой деятельности делает человека гражданином. В конституциях многих стран закреплено право на труд, а в некоторых – обязанность трудиться. Дарендорф отмечает: "Род занятий был как бы угольным ушком, ведущим в мир прав. Избирательное право, например, не раз предусматривало, что человек должен быть налогоплательщиком, а позднее – представителем определенных профессиональных сословий. Социальные гражданские права, как правило, были связаны (и связаны до сих пор) с профессиональной деятельностью, прежде всего через принцип страхования социальных прав" [Дарендорф, 2002, с. 195];

– *труд становится объектом специального научного анализа.* В интеллектуальном плане он рассматривается как источник собственности и благосостояния, а трудовая теория стоимости ставит его в центр экономического процесса. Арендт отмечает: "Труд и собственность были взаимнопротиворечивыми представлениями; взаимопринадлежащими были наоборот труд и нищета, а именно таким образом, что труд представлялся деятельностью, соответствующей ситуации нищеты... Что трудясь можно разбогатеть, есть исключительно представление Нового времени. В античности держались мнения, что собственность возникает по давности владения, при победе, по закону" [Арендт, 2000, с. 142]. К. Маркс объявил труд "родовой" деятельностью человека, а Ф.Энгельс фактором не только его социальной, но и биологической эволюции. Явно выделилась и прикладная функция науки. Если в традиционном обществе, ориентированном на воспроизводство устоявшихся образцов, способы выполнения работ и организации совместного труда передавались из поколения в поколение, а возникающие инновации носили случайный характер, то в индустриальном обществе совершенствование производственного процесса ставится на систематическую основу и является одной из важных задач науки.

В итоге можно сделать следующий вывод: *в современном обществе труд становится основным видом деятельности, определяет статус человека, его доход, образ жизни, объем и возможности реализации гражданских прав, являясь при этом объектом постоянной рационализации.*

Труд уничтожает труд: следствия научно-технического прогресса

Сегодня общество переживает новую глобальную трансформацию – становление постиндустриального (информационного) общества. Многие его теоретики рисуют радужную картину обновления трудового мира: нас ждет более квалифицированная интелесная и творческая работа, преодоление отчуждения, и т.п. Однако критично настроенные футурологи предупреждают, что сам труд постепенно ускользает из привычного нам социально-экономического ландшафта: "В грядущие годы новые более совершенные технологии будут все в большей мере приближать цивилизацию к такому состоянию, когда почти исчезнут работающие" [Rifkin, 1996, р. XV].

В настоящий момент общество труда в полной мере начинает испытывать на себе парадоксальные результаты своего функционирования: неустанный труд в конечном счете ведет к исчезновению труда как такового. Следствие научно-технического прогресса – стремительное повышение производительности труда, а потому – снижение потребности в рабочей силе. Все меньшее количество людей может производить все

большее количество товаров и услуг. За последние 150 лет валовой продукт в развитых странах вырос более чем в десять раз, а количество отработанных часов в расчете на человека сократилось наполовину.

Сельское хозяйство, в котором уже сейчас занято около 2–3% населения развитых стран, стоит на пороге новой технологической революции, вызванной развитием биотехнологий. Осуществленные генетические изменения позволяют повысить продуктивность и получить другие желаемые качества возделываемых сельскохозяйственных культур и даже домашних животных. Возможно, в будущем значительная часть продуктов питания будет производиться не привычным нам способом (на полях и фермах), а в некоем сочетании лабораторий и промышленных цехов.

Благодаря автоматизации производства, развитию робототехники своеобразные безлюдные производства уже не выглядят утопией. Неуклонное сокращение промышленных рабочих дало основание Горцу еще в 1980-х гг. "попрощаться" с рабочим классом. По прогнозам Рифкина, в текущем десятилетии в США занятость в промышленности сократится до 12%, а к 2020 г. приблизится к отметке в 2%.

Жертвами трудосберегающих технологий являются не только сельскохозяйственные и промышленные рабочие. Сокращается количество клерков (секретарей, кассиров и т.п.) в банковском деле, страховании, бухгалтерско-аудиторском учете, средствах связи, авиатранспорте, розничной торговле, гостиничном бизнесе, и т.п. Например, такая новая технология, как "телебанкинг", не требующая физического присутствия клиента для совершения операций, позволяет существенно сократить сеть банковских филиалов, а значит, и их служащих. Для интернет-магазинов не нужно обширных помещений и большого обслуживающего персонала. Телекоммуникационные и компьютерные технологии позволяют эффективно координировать производственный процесс в реальном времени, высвобождая значительное количество менеджеров среднего звена. Примечательно также, что технологический прогресс начинает сказываться и на таких областях, как образование и искусство: электронные системы сокращают потребность в библиотекарях, музыкальные синтезаторы вытесняют живых исполнителей, виртуальные персонажи наводняют киноэкраны.

Теоретики постиндустриального общества возлагают надежды на создание дополнительных рабочих мест в новых производствах. Судя по всему, они не оправдываются: технологический прогресс создает рабочих мест гораздо меньше, чем уничтожает. Важно отметить, что речь идет не просто об устранении определенных профессий и видов работ, а об общей тенденции к сокращению потребности в непосредственном человеческом труде. При этом именно появление каждого нового более эффективного рабочего места уничтожает десятки и сотни старых. Поэтому современный экономический рост, основанный на научно-техническом прогрессе, – "рост без рабочих мест" (*jobless growth*). Кроме того, высвобождаемые работники с их устаревшими знаниями и навыками в большинстве случаев не могут воспользоваться новыми рабочими местами, создаваемыми в высокотехнологичных производствах, оставаясь за бортом постиндустриальной экономики. Программы профессиональной переподготовки не стоит переоценивать, так как бывший рабочий вряд ли станет инженерно-техническим специалистом или молекулярным биологом.

В результате логично ожидать сокращения занятости и роста безработицы. После Второй мировой войны в условиях быстрого и стабильного экономического роста сложилась концепция полной занятости: в общественное производство стремились вовлечь практически все трудоспособное население, а безработица в промышленно развитых странах составляла лишь 1–3%. Она носила в основном циклический характер, а кейнсианская политика государственных интервенций решала проблему, стимулируя спрос. В 1990-е гг. количество безработных в развитых странах (членах ОЭСР) составляло уже 6–8%, а в странах Европейского союза – 8–11% экономически активного населения. В Испании уровень безработицы достигал в отдельные годы 20–24%, в Ирландии и Финляндии превышал 15% [Обзор... 2002, с. 283]. Современная безработица в значительной

степени носит характер структурной. Даже в периоды экономического роста занятость не увеличивается такими же темпами.

Футурологи довольно резко высказываются о проблеме занятости в современном мире. В интервью немецким газетам Бек открыто заявляет: "Мы должны наконец сказать начистоту: к полной занятости возврата нет", "кто бы ни утверждал, что у него есть рецепт от безработицы, он говорит неправду" (цит. по [Бехтель, 2000, с. 3, 8]). У Бриджес высказывается еще более резко: «Борьба за сохранение постоянных рабочих мест так же бессмысленна, как борьба за кресла на палубе "Титаника"» [Bridges, 1995].

Последствиями научно-технического прогресса являются не только прямая ликвидация рабочих мест, но и перегруппировка и перераспределение имеющейся работы в условиях глобализации социально-экономических процессов. Политика экспорта производства в страны с более дешевой рабочей силой, которой руководствуются крупные корпорации, обостряет проблему безработицы в развитых экономиках. А если учитывать, что население земного шара продолжает расти высокими темпами, то можно заключить, что безработица постепенно становится одной из глобальных проблем современности. По мнению Рифкина, "расхождение между ростом населения и сокращением возможности получить работу будет долго определять геополитику в условиях возникающей высокотехнологичной глобальной экономики" [Rifkin, 1996, p. 207].

Все это можно выразить в виде формулы: *в результате научно-технического прогресса для производства все большего количества товаров и услуг требуется все меньшее количество непосредственного человеческого труда.*

Сокращение рабочего времени: цифры и факты

О постепенном свертывании общества труда особенно ярко свидетельствуют тенденции сокращения рабочего времени. Об этом свидетельствует ряд факторов.

1. *Сокращается трудовая биография.* Под трудовой биографией понимается отрезок жизни, в течение которого человек является экономически активным, то есть присутствует на рынке труда. На заре индустриального общества продолжительность этого отрезка жизни человека фактически определялась его трудоспособностью: он приступал к трудовой деятельности, как только это позволяли его физические возможности, и трудился до тех пор, пока были силы, до старости. Позже закрепились различные социальные стандарты экономической активности. Сроки вступления на рынок труда отодвигались с распространением среднего и высшего образования, а также с увеличением длительности обучения. Создание пенсионной системы зафиксировало верхние границы экономической активности, которые сегодня составляют 60–65 лет. В последние годы в связи с усложнением демографической ситуации (старением населения) слышатся призывы к увеличению пенсионного возраста. Однако такой поворот событий маловероятен, так как не отвечает потребностям постиндустриального производства: предприниматели нуждаются в молодых, динамичных, мобильных, современно подготовленных работниках, а не людях предпенсионного возраста. Хэнди предупреждает: "Мы должны привыкать к мысли о том, что в большинстве сфер деятельности занятые полный рабочий день руководители или высококвалифицированные работники полностью реализуют свой потенциал в районе 45 лет" [Хэнди, 2001, с. 199]. После этого их трудовая жизнь дрейфует к периферийным должностям, неполному рабочему времени, программам досрочного выхода на пенсию.

2. *Сокращается непосредственное трудовое время.* Это происходит за счет законодательного уменьшения рабочего времени, удлинения отпусков и перерывов, работы неполный рабочий день, постоянно увеличивающихся затрат времени на повышение квалификации и профессиональную подготовку и т.п. Свою роль в этом процессе играют и коллективные договоры между работниками и работодателями. На заре индустриального общества рабочая неделя составляла около 72 часов. Важное достижение второй половины XX в. – пятидневная сорокачасовая рабочая неделя. Сегодня во многих развитых странах продолжительность рабочей недели уже меньше этой цифры, а еже-

годный отпуск достигает 4–6 недель. Во Франции поэтапный переход к 35-часовой рабочей неделе осуществляется с 1998 г. в соответствии со специально созданной законодательной базой. В большинстве других европейских стран такие преобразования проходят главным образом на основе коллективных соглашений между работодателями и профсоюзами (Дания, Нидерланды, Бельгия, Германия и др.). Эта практика свидетельствует об относительном консенсусе между социальными партнерами по вопросам рабочего времени. Возможно, уже нынешнее поколение работников станет свидетелем четырехдневной рабочей недели.

Тенденцию к сокращению рабочего времени можно проследить и по показателям фактически отработанных за год часов в расчете на одного работника. Во второй половине XIX в. работали около 3 тыс. часов в год. Сегодня в ряде европейских стран трудятся в два раза меньше. В Германии этот показатель сократился с 2 300 часов в 1950 г. до 1397 часов в 2000 г. [Обзор... 2002, с. 289].

В последние годы темпы сокращения рабочего времени замедлились, что вполне естественно, так как на первых этапах индустриализации его продолжительность находилась практически на грани человеческих возможностей. Наблюдающийся в США в последние 10–15 лет некоторый рост фактически отработанных часов объясняется спецификой либеральной социально-экономической политики: распространение рабочих мест, не приносящих достаточного дохода, заставляет американцев работать больше.

Таким образом, налицо драматическое снижение относительной доли труда в человеческой жизни. Оно вызвано не только абсолютным сокращением реально отработанных в течение жизни часов. Следует учитывать и увеличение средней продолжительности жизни в развитых странах: на протяжении последних 150–200 лет она удвоилась и сегодня составляет около 75 лет. Так, М. Бехтель утверждает, что "постоянно увеличивается продолжительность той части человеческой жизни, которая проходит вне сферы наемного труда. 100 лет назад 35 процентов человеческой жизни занимал наемный труд, сегодня этот показатель равен 12–13 процентам и продолжает снижаться" [Бехтель, 2000, с. 3].

3. *Сокращается доля людей, вовлеченных в трудовую деятельность.* Болс десяти лет назад Дарендорф приводил следующие расчеты: "В типичном обществе ОЭСР сегодня 20% населения моложе того возраста, когда перед ними откроется рынок труда, еще 20% – на пенсии, 10% проводят время в учебных заведениях. Из оставшихся 50% некоторые не стремятся ни к какой работе в смысле профессиональной деятельности, другие по тем или иным причинам неспособны к ней; пожалуй, мы не ошибемся, если сочтем, что обе эти группы вместе составляют около 15%. Предположим теперь, что еще 10% – безработные. Остаются 25% населения" [Дарендорф, 2002, с. 191]. Таким образом, только четверть населения развитых стран мира занята трудом.

В итоге можно сделать следующий вывод: *все меньшая доля людей в обществе занята трудом в течение все меньшего отрезка своей жизни, в рамках которого непосредственно на труд тратится все меньшее время.*

Дестандартизация и флексибилизация занятости

Система занятости в индустриальном обществе основана на стандартизации ее основных аспектов: трудовой биографии, трудового договора, места работы, рабочего времени, заработной платы и т.п. Трудовая биография протекала в рамках определенной профессии и представляла собой последовательную смену мест работы и должностей вплоть до пенсии. Работники заключали типовые договоры, многие положения которых первоначально согласовывались профсоюзами и организациями предпринимателей применительно к целым отраслям, профессиональным группам и даже целым нациям. Трудовой процесс осуществлялся в четко обозначенное рабочее время в специально отведенных для этого помещениях, которые предоставлялись фирмой. Заработная плата в основном покрывала все материальные потребности работника, а социальные и пенсионные отчисления формировали финансовую базу существования в периоды времен-

ной нетрудоспособности (болезнь, уход за ребенком и т.п.) и после выхода на пенсию. Таким образом, в индустриальном обществе профессиональная деятельность придавала стабильность всей жизни человека, а между занятостью и безработицей существовала жесткая грань. Хэнди замечает: "...одна до скончания века работа должна была одновременно обеспечивать все наши потребности: интерес к труду или удовлетворение от него, встречи с интересными людьми и пребывание в хорошей компании, гарантии обеспечения будущего и средств для жизни, возможность развития в соответствии с реальностью" [Хэнди, 2001, с. 198].

Сегодня происходит флексибилизация и дестандартизация занятости, то есть широкое распространение гибких и изменчивых форм занятости, которые по сравнению с прежними временами могут быть названы нестандартными. Существенные изменения переживает само предприятие (фирма) как экономический институт. Традиционные производственные структуры заменяются небольшими профессиональными коллективами, работающими с новейшими компьютерными и телекоммуникационными технологиями. Все больший объем работ выносится за пределы предприятия, размывая его границы. На место зримой формы предприятия, сосредоточенной в высотных офисах и фабричных цехах, приходит виртуальное предприятие, представляющее совокупность пространственно рассредоточенных электронных рабочих мест, связанных между собой компьютерной сетью.

В поисках гибкости работодатели исповедуют стратегии дистанцирования, заключающиеся в замене трудовых отношений коммерческими. Таким образом, фигура наемного работника, включенного в системы трудового законодательства и коллективных договоров, вытесняется фигурой поставщика услуг, который действует на свой страх и риск, сам договаривается с работодателем об условиях работы. В будущем фирма может стать не только виртуальной, но и временной – связанной с реализацией определенного проекта. По его окончании образованная независимыми профессионалами сеть расплетается, а ее участники вновь становятся свободными игроками и отправляются на поиск новых заказов. Мир труда становится все более пестрым за счет широкого распространения нестандартных форм занятости, среди которых:

- неполное рабочее время (неполный рабочий день или же неделя);
- разделение рабочего места (*job sharing*), при котором на одно рабочее место нанимаются два (или несколько) человека, работающие поочередно;
- временная работа, ограничивающая трудовые отношения определенным сроком или объемом работ;
- работа "без рабочего места", предполагающая выполнение трудовых обязанностей вне стен предприятия (на дому или же в постоянных разъездах и т.п.);
- работа по совместительству (одновременно у нескольких работодателей), при которой общее рабочее время может как и не достигать средней продолжительности рабочей недели, так и значительно превосходить ее;
- самозанятость, подразумевающая, что люди не состоят в каких-либо формальных организациях, а самостоятельно производят товары и услуги;
- неформальная занятость, которая не отражается в официальных документах (или отражается лишь частично), распространяющаяся благодаря тому, что контроль государства над нестандартными формами занятости затруднен.

Подобный "трудовой плюрализм" ранее считался на Западе прежде всего уделом работающих женщин или же неким остаточным историческим реликтом. Современный процесс Бек называет "бразилизацией Запада", подчеркивая распространение форм занятости, характерных для полуиндустриальных стран.

В официальной статистике нестандартные формы занятости зачастую выдаются за обычную занятость, что, конечно, искажает реальную ситуацию. Все стремительнее расширяется круг людей, которых нельзя считать безработными, но одновременно не имеющих гарантий стабильного дохода. Бек именует такую ситуацию "комбинированными формами занятости", так как в ней совмещаются элементы занятости и безработицы. Черно-белая схема "занятость–безработица" сегодня все меньше применима. Общая не-

Эволюция занятости

	Стандартизированная занятость в "обществе труда"	Дестандартизированная занятость постиндустриальной эпохи
Профессия	Осуществление трудовой деятельности в рамках единственной профессии, являющейся источником доходов и самоидентификации	Частая смена рода деятельности, отсутствие единственной профессии
Работа	Единственная (в данный момент времени)	Несколько мест работы, организованные в "портфель работ"
Трудовая биография (карьера)	Стандартизированная, непрерывная, поступательная, восходящая, конечная трудовая биография (карьера), представляющая собой последовательную смену мест работы и должностей вплоть до выхода на пенсию	Индивидуализированная, дискретная (прерывистая), ненаправленная, без четких границ окончания
Трудовой договор	Типовой трудовой договор, закрепляющий стандартизированные условия занятости для целых отраслей и профессий	Индивидуализация трудового договора, неформальный найм, самозанятость
Рабочее время	Полное рабочее время (рабочий день, рабочая неделя)	Неполное рабочее время (рабочий день, неделя)
Рабочее место	Предоставляется фирмой	Часто не предоставляется фирмой, работа на дому
Зарботная плата	Обеспечивает жизнь работника и его семьи	Каждое отдельное место работы не способно обеспечить жизнь работника, множественность источников заработка
Риски	Несет фирма и государство, гарантируя стабильность условий занятости в долгосрочной перспективе	Несет работник в условиях гибкого рынка труда

хватка работы распределяется не только или даже не столько в виде традиционной безработицы, сколько в виде гибкой неполной, избыточной занятости (см. табл.).

Так, в ФРГ к данной группе неустойчивой занятости в 1960-е гг. принадлежал лишь каждый десятый наемный работник, в 1970-е гг. подобные работники составляли уже одну пятую, в 1980-е их количество возросло до четверти, а в 1990-е к их числу относился уже каждый третий. Если такой темп сохранится, а оснований для подобного предположения вполне достаточно, то в ближайшее десятилетие лишь каждый второй наемный работник будет иметь постоянное и полноценное рабочее место [Beck, 2000, p. 5]. В Великобритании уже сегодня классические рабочие места есть лишь у трети трудоспособного населения, тогда как еще два-три десятка лет тому назад их имели более 80% [Beck, 1996].

Но дальше всего по этому пути продвинулись США. Более низкий по сравнению с континентальной Европой уровень открытой безработицы и чрезвычайно гибкие рынки труда здесь получены в обмен на более низкую зарплату, социальную защищенность, производительность труда, а также углубляющееся социальное неравенство. Сегодня в США заговорили о феномене "работающих бедняков", который вызван нехваткой рабочих мест, обеспечивающих нормальный доход. Поэтому в среднем американцы работают значительно больше, чем европейцы.

Стандартизированное и стабильное "общество труда" сменяется "индивидуализированным обществом" (Бауман) и "обществом риска" (Бек). С одной стороны, в попытках людей на закате трудового общества вновь обрести потерянный рай полной занятости находит свое выражение страх перед свободой. Ведь вместе с увеличением жизненных рисков возрастает и личная ответственность каждого за свою судьбу. Риск активизирует жизнь, стимулирует поиски. На место стандартного жизненного пути приходит самостоятельная DIY-биография (*do it yourself biography*).

С другой стороны, очевидно, что мы не живем в обществе равных возможностей, и риски одних оборачиваются доходами других. Гибкие и нестандартные формы занятости фактически перекалывают на плечи индивидумов риски, которые раньше брали на себя фирмы и государство. Если понимать социальную защищенность как определенные гарантии условий занятости, то ее уровень для работников в целом снизился. И в этом отношении риск оказывает разрушительное воздействие на человеческую жизнь, нарушая устоявшийся ритм и финансовую стабильность. По некоторым данным, молодого американца со средним уровнем образования в течение его трудовой жизни ожидают по крайней мере одиннадцать перемен рабочих мест [Бауман, 2002, с. 29].

Что делать? Жизнь в новой реальности

Если быть точным, в развернувшихся дискуссиях речь идет не о полном исчезновении оплачиваемой работы, а о принципиальной невозможности полной занятости. На повестку дня выдвигаются новые вопросы. В индустриальном обществе люди в основном использовали свободное время для восстановления сил после утомительного рабочего дня. Что люди станут делать в будущем, когда в их распоряжении окажется еще больше свободного времени, а количество часов работы заметно сократится? Где будут сконцентрированы центральные жизненные интересы человека, если его профессиональная занятость (вынужденно или по доброй воле) составит 20–30 часов в неделю? В этой ситуации вопрос "что делать?" уже не звучит риторически. Арендт замечает: "...вот оно, работающее общество, готовое освободиться от оков труда, но этому обществу едва уже только понаслышке известны те высшие и осмысленные деятельности, ради которых стоило бы освобождаться" [Арендт, 2000, с. 12].

На пути в новое общество человека подстерегают опасности. Что будет организующим и дисциплинирующим началом его жизни вместо труда? Не ослабится ли сопротивление сомнительным соблазнам жизни: алкоголю, наркотикам, преступности? Не произойдет ли подмена созидательной деятельности потребительством. Арендт предупреждает: "...*animal laborans* никогда не тратит свое избыточное время ни на что, кроме потребления, и чем больше ему будет оставлено времени, тем ненасытнее и опаснее станут его желания и его аппетит" [Арендт, 2000, с. 171].

Что будет мерилем человеческих достижений вместо профессиональных успехов? Возможна ли карьера вне работы? Как мы узнаем другого человека, если не сможем соотнести его со стандартизированным образом представителя определенной профессии и должности? Футурологи считают, что, помимо сферы профессионального труда, существуют огромные пространства для самореализации личности. Благодаря их освоению в обществе, которое до сих пор было целиком ориентировано на экономическую активность, шаг за шагом возникнет возможность личного суверенитета в распоряжении собственным временем, гармоничного сочетания профессионального труда, личной жизни и общественной активности. Сегодня такие возможности просматриваются в виде:

– *активного досуга*, включающего, помимо обычных видов досуга (развлечения, вечеринки, просмотр телепередач и т.п.), занятия, которые требуют вдумчивого отношения, преодоления трудностей, систематичности, обучения, и т.п. От привычной профессиональной работы их отличает лишь то, что они, как правило, не оплачиваются, а приносят в качестве вознаграждения удовлетворение от самого процесса и достигнутых результатов. В качестве сфер развития подобной деятельности можно упомянуть спорт, музыку, художественное творчество и т.п.;

– *гражданских инициатив*. Бек и Рифкин связывают свои надежды с развитием "третьего сектора", отличного как от рыночного, так и от административного (государственного). Речь идет об усилении интереса граждан к социальным проблемам и развертывании гражданских инициатив (экологические и правозащитные движения, благотворительные организации, местное самоуправление, культурные инициативы, и т.п.). В конце 1990-х гг. в США около половины населения были задействованы в роли волонтеров в среднем 4–5 часов в неделю [Щекова, 2002]. В Германии каждый третий взрослый гражданин занимается общественной работой [Бехтель, 2000, с. 12];

- *домашнего труда* – производства благ в домашних условиях для потребления членами семьи. Это – народное богатство, до сих пор не учитываемое официальной статистикой. Воспитание детей – важнейшая социальная функция – ценится явно меньше, чем профессиональный труд. Бек считает, что "работа по воспитанию детей должна получить такое же общественное признание, как художественное творчество, политическая или общественная деятельность, т.е. должна давать, например, право на пенсию и медицинское страхование" [Beck, 2000, p. 5];

- *образования*, которое в современном мире не ограничено определенным периодом жизни, а становится практически непрерывным (*lifelong learning*). Уже сегодня раздаются призывы официально признать учебу в качестве особого образовательного труда. При этом образование вряд ли стоит трактовать исключительно в духе теории "человеческого капитала", отождествляющей его с получением профессиональных навыков и знаний, способных приносить доход. Важная сторона образования связана с возможностями самопознания и духовного совершенствования.

Вышеперечисленные виды деятельности, подрывая прежнюю монополию профессионального труда, способны дать человеку чувства идентификации с избранным занятием и принадлежности к определенным социальным группам, возможности самореализации и духовного развития. Необходимо повысить их общественный престиж и в моральном аспекте уравнять в правах с профессиональным трудом.

Футурологи считают: вместо того, чтобы занимать сотни тысяч людей в рамках бессмысленных государственных программ по созданию временных рабочих мест, можно было бы привлечь их к развитию современных форм общественного транспорта, улучшению состояния ландшафтов и городов. Можно умножить количество учителей и воспитателей, улучшить работу сферы общественного обслуживания за счет продления времени работы, например, музеев, библиотек, бассейнов и спортивных комплексов.

Дарендорф видит в упадке общества труда важный шаг на пути становления подлинно демократического общества. Он убежден, что в интересах свободы важнее провозгласить право не работать: "...гражданскими правами не торгуют. По данной причине отделение гражданского статуса от профессии означает прогресс, и, как сильно хозяевам мира труда того не хотелось, они не смогли бы повернуть этот процесс вспять" [Дарендорф, 2002, с. 196]. Социальная оценка и социальная защищенность, по его мнению, не должны зависеть от профессионального статуса.

В целом, конечно, речь идет не о полном и окончательном отказе от экономической активности, а о том, чтобы сделать границы двух сфер более прозрачными. Тем самым каждому человеку представится возможность на протяжении года, нескольких лет или всей жизни совершать переходы между семейными делами, профессиональным трудом, образованием, досуговыми занятиями, политической активностью, руководствуясь собственными устремлениями и согласовывая свои шаги со сложившейся ситуацией.

В концепции "портфеля работ", предложенной Хэнди, ярко проявляется отношение ко времени как личному ресурсу, а также попытка найти компромисс между свободой и средствами для жизни. "Портфель работ" – это набор видов деятельности (как оплачиваемых, так и нет), которыми человек занят в течение жизни. Основная мысль Хэнди заключается в том, что, отказавшись от стереотипа восприятия нестандартных форм занятости как неполноценных и собрав их в единый портфель, можно умело контролировать финансовые потоки в разные периоды жизни с учетом различных жизненных обстоятельств. В этом смысле самозанятость, занятость неполный рабочий день, временные подработки, производство благ в домашних условиях (вместо покупки товаров и услуг) могут создать более устойчивый и одновременно гибкий фундамент материального существования, не говоря уже о свободе в распоряжении собственной жизнью.

Контуры нового общества

Пожалуй, главная проблема проектов нового общества заключается в том, как материально обеспечить жизнь людей в обществе, где большинство не работает. Эта проблема очень сложна и пути ее решения еще в полной мере не ясны. Наиболее очевидный – дальнейшее сокращение рабочего времени при сохранении заработной платы,

которое позволит если и не создать новые рабочие места, то по крайней мере сохранить старые. Подобные меры предпринимаются в странах континентальной Европы.

Предлагаются и различные формы финансовой поддержки активного неработающего населения. По мнению Бека, тот, кто занимается общественно-полезным делом, мог бы платить существенно меньшие налоги. Однако реализация такой модели предполагает, что у человека уже есть доход от экономической занятости. Бек также предлагает ввести "общественные (гражданские) стипендии" для членов добровольческих организаций. Однако это предполагает финансирование из налоговых поступлений, база которых ввиду сокращения занятости уменьшается. В целом, любые предлагаемые решения проблемы благосостояния сводятся к тому, что бизнесу придется поделиться с обществом доходами от научно-технического прогресса. В моральном плане это представляется вполне оправданным. Ведь в конечном счете научно-технический прогресс – результат деятельности не отдельных "светлых голов" и руководителей бизнеса, а всего общества.

Контраргументы бизнеса о дестимулировании экономической деятельности в случае больших налоговых изъятий и сокращении в результате этого рабочих мест не вполне состоятельны. Ведь в условиях научно-технического прогресса рабочие места сокращаются не только и даже не столько вследствие сокращения масштабов экономической деятельности, сколько, напротив, как результат инвестиций в новые трудосберегающие технологии.

Но также очевидно, что в современном мире ни одно государство не способно решить назревшие проблемы в одиночку. В условиях глобализации капитал становится все более мобильным. Крупные корпорации размещают свои производства в странах и регионах мира с благоприятной бизнес-средой, подразумевающей как можно более низкие налоги, а также трудовые и экологические стандарты.

И все же стоит отделить объективные тенденции, связанные с трудосберегающим характером научно-технического прогресса, от конкретных политических и институциональных решений. Используя терминологию К. Поланьи, можно сказать, что разворачивающийся процесс может быть по-разному институционально оформлен. В силах человечества подготовиться к новому миру, сохранив принципы демократии и социальной справедливости. Сегодня нужны новаторские идеи и решения, способные открыть перспективы для экономики, общества и государства на XXI в. Дискуссии о будущем труда, несомненно, вносят свой вклад в это дело.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арендт Х.* Vita Activa, или О деятельной жизни. СПб., 2000.
- Аристотель.* Политика. Книга 1. II. 5 (<http://www.philosophy.ru/library/aristotle/polit/polit1-2.htm>).
- Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002.
- Бехтель М.* Будущее труда. Размышления, взгляды, перспективы. М., 2000 (<http://embassy.debis.ru/ru/library/inter-nationes/arbeitszukunft/>).
- Вебер М.* История хозяйства. Город. М., 2001.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
- Дирендорф Р.* Современный социальный конфликт. Очерки политики свободы. М., 2002.
- Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991–2000). М., 2002.
- Хэнди Ч.* Время безрассудства. Искусство управления в организации будущего. СПб., 2001.
- Шекова Е.Л.* Труд добровольцев в сфере культуры США и России // Социологические исследования. 2002. № 3.
- Beck U.* The Brave New World of Work. Oxford, 2000.
- Beck U.* Kapitalismus ohne Arbeit // Der Spiegel. 1996. № 20.
- Bridges W.* Jobshift: How to Prosper in a Workplace Without Jobs // Perseus Publishing. 1995.
- Gorz A.* Farewell to the Working Class: An Essay on Post-Industrial Socialism. London, 1982.
- Handy C.* The Future of Work. A Guide to a Changing Society. Oxford, 1984.
- Rifkin J.* The End of Work. The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era. New York, 1996.